

Богословские пути и жизненные распутья
иеромонаха Алексия (Виноградова):
был ли он уволен из Пекинской духовной миссии
в 1897 г. в наказание за свои научные взгляды?

Дмитрий А. Браткин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, bratkin@yandex.ru*

Аннотация. А.Н. (иеромонах Алексей) Виноградов (1845–1919/20) важен как крайне неформатный, «маргинальный» библеист, занимающий уникальное положение в рамках русского богословия XIX. В его работах мы видим максимально полное усвоение методов и выводов англо-американской библеистики конца XIX в. Он дважды назначался в число членов Пекинской духовной миссии и был дважды уволен из нее. При первом возвращении в Россию (1886) он получил максимально комфортное и почти привилегированное назначение, формально в Киев, фактически – в столицу империи, где пользовался максимальной свободой в научной работе и печатании своих трудов, пользуясь благосклонностью синодского начальства и даже императрицы Александры Федоровны. При втором возвращении (1897) условия радикально отличались, он был перемещен в провинциальный монастырь, фактически в пожизненную ссылку, где был лишен возможности публикации ученых трудов. Правомерно задать вопрос: было ли такое назначение наказанием и не было ли оно следствием его относительного вольнодумства как библеиста, которое навлекло на него опалу? Исследуя материалы синодских архивов (РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547) и многочисленные документы из личного архивного фонда Виноградова (НИОР РГБ. Ф. 52), автор демонстрирует, что определение в Оптину пустынь действительно было назначено Виноградову в наказание, но причиной его было отнюдь не недовольство начальства его взглядами, а глубокий и безнадежный конфликт между Виноградовым и новым начальником 18-й миссии, архимандритом Иннокентием (Фигуровским). В этом конфликте Виноградов избрал глубоко ошибочную тактику поведения, которая привела его в положение аппаратного цугцванга и обрекло на пожизненную ссылку в статусе психически расстроенного.

Ключевые слова: иеромонах Алексей (Виноградов), Пекинская духовная миссия, архимандрит Иннокентий (Фигуровский), Оптина пустынь, библеистика

Для цитирования: Браткин Д.А. Богословские пути и жизненные рас-
 путья иеромонаха Алексия (Виноградова): был ли он уволен из Пекин-
 ской духовной миссии в 1897 г. в наказание за свои научные взгляды? //
 Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2026. № 2. С. 85–101.
 DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-85-101

Theological ways and life intersection of hieromonk Alexii Vinogradov: was he dismissed from Peking spiritual mission for his scholarly opinions?

Dmitrii A. Bratkin

*Saint-Petersburg State University,
 Saint-Petersburg, Russia, bratkin@yandex.ru*

Abstract. Alexander, or Hieromonk Alexii, Vinogradov (1845–1919/20) is a unique figure within the world of Russian theology and Biblical Studies of late imperial Russia. He demonstrated the most radical appropriation of the methods and opinions of the English and American Biblical scholarship of the period. He was twice appointed as the member of the Russian Spiritual Mission in Peking (Beijing) and twice dismissed. The first return to Russia (1886) was most comfortable. His nominal place of appointment was Kiev, but he actually resided in St Petersburg and enjoyed the full freedom of scholarly study and publication of his works under protection of the Synod and even the Empress Aleksandra Feodorovna herself. Conditions of the second dismissal (1897) were radically different. He was sent to a provincial monastery with no possibility of successful publication for his manuscripts, almost in exile that he was never permitted to leave. One may ask whether that was a punishment, and if so, what sort of misconduct had been the reason. Was he, in fact, punished for his free Biblical Study? The present author studied the archives of the Synod (Russian State Historical Archive. Fund 796. Inventory 176. File 3547) and numerous documents from the personal archive fund of Vinogradov (Manuscripts Department of the Russian State Library. Fund 52) to prove that the monastery of Optina pustyn was indeed chosen in lieu of punishment for Vinogradov. However, it was not his scholarly opinion that effected this decision. The reasoning behind this appointment was much more mundane. It was the deep animosity and subsequent conflict between Vinogradov and the newly-appointed head of the Mission, archimandrite Innokentii (Figurovsky). Of all possible tactics of conduct Vinogradov had tragically chosen the worst and the most unacceptable for his superiors within the ecclesiastical and government apparatus. For Vinogradov it was a zugzwang that has eventually

brought him into the position of a “psychiatrically unstable”, of and outcast, and into oblivion.

Keywords: Hieromonk Alexii Vinogradov, Russian Spiritual Mission in Peking, Archimandrite Innokentii (Figurovsky), Optina pustyn' monastery, Biblical Studies

For citation: Bratkin, D.A. (2026), “Theological ways and life intersectionins of hieromonk Alexii Vinogradov: was he dismissed from Peking spiritual mission for his scholarly opinions?”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 85–101, DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-85-101

Александр Николаевич Виноградов (после рукоположения и принятия сана – иеромонах Алексей) – фигура своеобразная и важная для истории как отечественного востоковедения, так и библеистики. Он важен как крайне неформатный, «маргинальный» библеист, занимающий уникальное положение в рамках русского богословия XIX в. [Браткин 2017]. Причем для истории изучения библейских переводов в России значение Виноградова, пожалуй, куда больше, чем для синологии. Как библеист и историк библейских переводов на западные и восточные языки Виноградов представляет собой фигуру в русской науке, без сомнения, уникальную. Его перу принадлежат две капитальные работы – опубликованная «История английско-американской Библии»¹ и по большей части оставшаяся в рукописи «История Библии на Востоке»².

Эти работы очень разнятся по своему замыслу и осуществлению. История английской Библии – предмет, хорошо разработанный к концу XIX столетия в англоязычной литературе, но для русского читателя по преимуществу неизвестный. Виноградов, опираясь на обширную имеющуюся иностранную литературу, дает последовательное введение в проблематику библейской критики и библейской текстологии. Реферируя труды английских ученых, Виноградов оказывается в рамках тех подходов, которые были маркером критической науки конца XIX в., и в своей книге безусловно принимает методологию Б.Ф. Весткотта и Дж.Ф.А. Хорта – неприемлемую для многих консервативных британских современников. Во многих сюжетах (таких, как признание ценности Масоретского текста относительно Септуагинты или оценка еврейской постбиб-

¹ Алексей (Виноградов), иеромонах. История английско-американской библии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1891.

² Алексей (Виноградов), иеромонах. История Библии на Востоке: с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению с христианскою церковью у разных народов. Т. 1–5. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889–1895.

лейской текстологической работы над Танахом) Виноградов скорее предвосхищает научный консенсус второй половины XX столетия, нежели воспроизводит стандартные аргументы православных богословов конца XIX в.

Давно было отмечено, что даже наиболее оригинальные православные академические богословы-библеисты предреволюционного времени (Н.Н. Глубоковский, М.М. Тареев и др.) существенно зависят от новейших авторов, по преимуществу протестантов, и зачастую опираются не столько на собственный анализ, сколько на истолкование мнений западных экзегетов, и присоединяются к тем из них, чьи взгляды наиболее совпадают с наиболее ортодоксальной точкой зрения. Характерный для мейнстримной церковно-богословской модальности метод исследования можно назвать «обратной валидацией». На этом фоне Виноградов оказывается фигурой крайне своеобразной: он использует западную литературу как источник позитивного критического знания, которое и заимствует вместе с тем методом, каким это знание создается, а тем самым принимает фундаментальные аксиологические и методологические установки критической науки.

Правоммерно задаться вопросом: в какой мере консервативные современники Виноградова замечали в его работе то, что видит современный читатель? – и если они это замечали, то как воспринималось ими отличие виноградовского подхода от российского богословского мейнстрима.

Хорошо известно, что в число сотрудников Пекинской духовной миссии (далее – ПДМ) Виноградов назначался дважды. Первое его пребывание в Китае относится к 1881–1886 гг., второе к 1895–1898 гг. Оба раза необходимость увольнения из миссии мотивировалось его болезнью, но условия, на которых он возвращается в Россию, весьма различны. Первый отъезд сопровождался максимально благожелательным отношением к заболевшему иеромонаху. Непосредственный начальник Виноградова, глава 17-й миссии архим. Амфилохий (Лутовинов) и русский посланник в Пекине Артур Павлович Кассини ходатайствовали о назначении его в монастырь одного из университетских городов для продолжения ученых занятий; это ходатайство поддержано и лично обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. Получив формальное назначение в Киево-Печерскую лавру и даже съездив в Киев, Виноградов тем не менее прожил почти все время между двумя китайскими поездками в Петербурге при столичном подворье лавры, пользовался большой свободой, занимался печатанием своих рукописных сочинений, подавал ходатайства о выделении на это субсидий и получал таковые. Венцом этого петербургского периода становится аудиенция, данная Виноградову императ-

рицей Александрой Федоровной в благодарность за поднесенные через Кабинет Е. И. В. печатные труды, и состоявшаяся в Гатчине 11 декабря 1895 г.³

Иными словами, в этот период Виноградов пользовался весьма комфортным, чтобы не сказать привилегированным, положением. Но менее чем через два года при втором, окончательном, возвращении его в Россию отношение к Виноградову резко меняется. В обоих случаях увольнение Виноградова обосновывалось состоянием его здоровья, но на этом параллели заканчиваются. О выборе университетского города, удобного для научной работы, вопрос не ставится и о ценности и желательности таковой уже не говорится. Местом жительства Виноградову назначается Оптиная пустынь – глубоко консервативный по умунастроению монастырь, где отсутствовали и возможности для критических исследований по истории религии.

И разительное несходство между условиями первого и второго отъезда из ПДМ, и скоротечность второго виноградовского пребывания в Пекине, и последующий консенсус властей церковных и светских относительно невозможности для Виноградова выехать из Оптиной пустыни в Петербург или любое другое место – все это заставляет предположить некую скрытую причину, обосновывавшую немилостивые условия его возвращения в Россию в 1898 г. Выбор консервативного монастыря, географическая удаленность которого от столиц, духовных академий, университетов и типографий в равной степени затрудняла и написание новых ученых трудов, и печатание уже завершенных рукописей, и их распространение, может, среди прочего, быть интерпретирована как ссылка или же наказание за научные взгляды или неортодоксальное направление мысли Виноградова.

В фонде Синода⁴ содержатся сведения о конфликте, спровоцировавшем удаление иеромонаха Алексия из Пекина и водворение его в Оптину пустынь. Лист 15 интересующего нас дела содержит донесение начальника ПДМ архимандрита Иннокентия (Фигуровского) в Синод, датированное 7 июня 1897 г.: «Психически расстроенный член Миссии иеромонах Алексей, страдая манией величия, не желает признавать над собой никакой власти и совершенно отказывается от повиновения; считая себя несправедливо обиженным тем, что его не назначили начальником Миссии, он занимается сочинением доносов, а своими странностями во время богослужений он нередко производит большие смущения – посему, для

³ Здесь и далее, если не указано иное, даты до 1917 г. даны по старому стилю.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547.

пресечения соблазна, покорнейше прошу св. синод удалить иеромонаха Алексия от миссии как бесполезного и вредного члена».

Листы 16 и 17 того же дела – частное письмо Виноградова от 5 июня 1897 г., адресованное Сергею Васильевичу Керскому, тайному советнику, управляющему канцелярией Синода. Среди прочего Виноградов пишет о назначении нового начальника ПДМ, архим. Иннокентия, и об отъезде сотрудников из прежнего состава миссии. Виноградов упоминает о том, что через два года мечтает тоже вернуться в Россию «с тем же правом на пенсию и устройением при ученой должности где-либо в Университете по китайскому языку»⁵. О начальнике миссии Виноградов пишет так: «человек болезненный, хотя и энергичный, подает мало надежды на выполнение положения для членов миссии, созданного инструкцией св. Синода, и еле направляется к устройению исключительно китайского общежития и пропагандирующего миссию наподобие японской, со строгим соблюдением монашеского устава (хотя и с сокращением в богослужении и дисциплине)»⁶. Виноградов говорит о том, что предпочтение китайской миссией и пренебрежение «к русской (и в особенности состоящей из членов дипломатического корпуса) не может почитаться нормальным»⁷ и предлагает разделить миссию на китайскую («о коей мечтает новый начальник») и собственно русскую. Завершается письмо так: «Пользуясь пребыванием в Пекине ныне его сиятельства Эспера Эсперовича Ухтомского <...> я представил ему лично частным образом свою докладную записку на имя г. обер-прокурора Св. Синода <...> в коей наглядно излагаю настоящее положение миссии духовной в Пекине, касаясь и своего лично». Следующий лист в деле – недатированный проект синодского указа по рапорту архим. Иннокентия об удалении иером. Алексия из ПДМ «как психически неполноценного»⁸.

Во-первых, *налицо серьезный конфликт в миссии*. Иеромонах Алексей (Виноградов), которому при недавнем назначении в Пекин было предоставлено старшинство «пред прочими членами миссии, после начальника оной»⁹ резко расходится с новоназначенным начальником ПДМ архим. Иннокентием, во взглядах на стратегию деятельности миссии и косвенно обвиняет его в том, что при выбранном архим. Иннокентии пути будет невозможно выполнить имеющуюся инструкцию – основной документ, регулирующий полномочия и обязанности членов ПДМ.

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 16 об. – 17.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 6; ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3545. Л. 1.

Во-вторых, Виноградов составляет об этом докладную записку на имя *Победоносцева*, но подает ее не по обычным каналам, а *через посредство кн. Ухтомского*, о чем сообщает Керскому 5 июня 1897 г.

В-третьих, архим. Иннокентий в своем рапорте от 7 июня того же года аттестует Виноградова как *человека психически расстроено-го*, страдающего манией величия, отказывающегося от повиновения начальству, лично обиженного и занимающегося составлением доносов. В деле¹⁰ присутствует свидетельство врача императорской миссии в Пекине Владимира Викторовича Корсакова, от 1 мая 1897 г., выданное Виноградову по его просьбе, где отмечается общее ухудшение здоровья и предписывается желательная перемена климата, но психическое состояние пациента не упоминается. Это свидетельство приложено к комплекту документов, поданному значительно позже, при хлопотах о назначении пенсии (начаты Виноградовым в декабре 1899 г.), в рапорте же архим. Иннокентия упоминание о психическом состоянии Виноградова, вопреки обычной для синодского делопроизводства практике, врачебным заключением не подтверждалось. Будучи, по сути, голословным, это обвинение играет роль риторического приема, который позволяет дезавуировать содержание доводов Виноградова и не обсуждать их по существу.

В-четвертых, хотя рапорт архим. Иннокентия в Синод был написан и отправлен позже, чем письмо Виноградова Керскому, *к делу он был приобщен раньше* (о чем указывает пагинация), а следовательно, рапорт начальника ПДМ опередил жалобу на него и сформировал в Синоде мнение о жалобщике.

Ныне в НИОР РГБ открыт личный фонд Виноградова (ф. 52), в котором присутствуют обильные свидетельства, позволяющие пролить свет на этот конфликт, его предысторию и развязку.

Вспомним *общий контекст* происходящего. Виноградов был назначен в Пекин в 1881 г. в состав 16-й миссии, руководил которой архим. Флавиан (Городецкий). Главой 17-й миссии 3 октября 1883 г. был назначен архим. Амфилохий (Лутовинов), прибывший в Пекин в 1884 г. При том и другом начальнике сотрудники миссии были заняты по преимуществу подготовкой китайского перевода богослужебных книг¹¹. Члены этой миссии, как писал архим. Авраамий (Часовников), «жили как бы своей особой жизнью»¹², и за

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547. Л. 54.

¹¹ *Адоратский Н.* Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. 1884. Август. С. 373–390. <С. 378–394>.

¹² *Часовников А.* Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. 1-е изд. Пекин: Тип. Усп. монастыря, 1916. С. 179.

пределами выполнения своих обязанностей располагали довольно большим досугом для интеллектуальных занятий по своим склонностям и выбору. Виноградов занимался «иконописанием, черчением плана духовной миссии и другими китайскими переводами»¹³ — в данном случае имеются в виду «Миссионерские диалоги» Маттео Риччи. Помимо этого, Виноградов «занимался устройством походной церкви и исследованием судеб евреев в Китае»¹⁴, изучал китайский язык в основном по европейским пособиям при спорадической помощи носителей языка¹⁵. «Слава ученого занимала все внимание отца Алексея», замечает официальная история ПДМ¹⁶. И действительно, за время первого пребывания в Пекине Виноградов подготовил и написал труды общим объемом беловых рукописей в тысячи листов, из которых напечатанная часть составляет до 150 печ. л.

После повторного назначения в ПДМ в 1895 г. Виноградов пользовался тем же досугом и «свободное время посвящал рисованию красками икон»¹⁷; он был, как мы уже знаем, вторым по старшинству после начальника членом миссии, а также состоял ее духовником¹⁸ и вел приходно-расходную книгу ПДМ¹⁹.

С 1894 г. архим. Амфилохий начал просить об отставке, но продолжал исполнять обязанности начальника ПДМ. После прибытия Виноградова в Пекин в середине февраля 1896 года и назначением следующего главы ПДМ, архим. Иннокентия (Фигуровского) осенью 1896 г. прошло более полугода. Рискну предположить, что Виноградов примерял в этот период на себя должность начальника миссии. Прецеденты такого назначения случались: лично знакомый Виноградову начальник 16-й миссии, архим. Флавиан (Городецкий) был одним из иеромонахов предшествующей (15-й) миссии; он стал временно заменять начальника сразу после отъезда главы 15-й миссии, архим. Палладия (Кафарова) в октябре 1878 г. (как предполагалось, в годичный отпуск, но Палладий скончался в декабре того же года) и был утвержден в этой должности в январе 1879 г., причем даже сана архимандрита он был удостоен в Пекине, без возвращения в Россию²⁰. За желанием занять должность начальником миссии стояло отнюдь не только честолюбие. По штатам ПДМ жалование иеромонаха составляло 1300 руб. в год,

¹³ *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 380.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 2259. Л. 2 об.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 43. Ед. хр. 6.

¹⁶ *Часовников А.* Указ. соч. С. 181.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3545. Л. 2.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 51. Ед. хр. 7. Л. 1.

¹⁹ Там же. К. 4. Ед. хр. 12. Л. 9

²⁰ *Часовников А.* Указ. соч. С. 158, 163.

жалование же начальника составляло 2500 руб.²¹ – для Виноградова, истратившего почти все заработанные в Пекине деньги на печатание своих трудов в типографии братьев Пантелеевых²², такое почти двукратное увеличение оклада было *sine qua non* для продолжения печатания своих рукописей.

Должность начальника миссии была отдана архим. Иннокентию, к тому времени уже сделавшему карьеру: в 1894–1895 гг. он был ректором Санкт-Петербургской духовной академии, где и получил сан архимандрита, а с 1895 г. – настоятелем московского Покровского миссионерского монастыря²³. Новый начальник прибыл в Пекин в марте 1897 г. и произвел смешанное впечатление. В разговорах с начальником Японской миссии, еп. Николаем (Касаткиным) архим. Амфилохий на пути в Россию отзывался о своем преемнике так: «крайний идеалист – собирается основать общежитие из миссионеров в Пекине без жалования и прочее»²⁴. При личном знакомстве еп. Николай заметил иные черты характера: «от болезни ли, от характера, или от нажитой важности кажется таким вялым, что не желалось бы такого помощника и преемника сюда. Болезнь почти уже незаметна; характер, правда, спокойный, но не избаловало ли положение ректора и настоятеля, то есть не разыграл ли о. Иннокентий роль теста, принимающего форму пирога или блина и тому подобное, смотря по форме, которая в руках повара? Если это, то самостоятельность и инициатива в отсутствии»²⁵. Сохраняет он и мнение соученика архим. Иннокентия по СПбДА: «В Академии никто не любил его; по выходе на службу с двумя митрополитами не ужился; в Китай приехал ставленником Саблера; сюда к нам, вероятно, шпионом»²⁶.

Началом конфликта с архим. Иннокентием стало, очевидно, вторжение нового начальника в ставшую для Виноградова привычной свободу. Одной из первых реформ нового главы миссии стало введение ежедневных богослужений, посещением которых Виноградов явно тяготился и манкировал. 30 апреля 1897 г. архим. Иннокентий отправил ему письмо: «После неоднократных словесных замечаний, вынуждаюсь сделать Вам письменное напоминание, чтобы Вы строго относились к исполнению своих обязанностей. Вам, как старшему члену миссии и духовнику, подобает подавать

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 162. Д. 889. Л. 2.

²² НИОР РГБ. Ф. 52. К. 53. Ед. хр. 21.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 3351. Л. 1.

²⁴ Дневники святого Николая Японского: В 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 3. С. 505.

²⁵ Там же. С. 564.

²⁶ Там же.

строгий образец для юной и совсем не окрепшей пекинской православной паствы, которая и без того ужасно растлевается языческими соблазнами окружающих. Вы же, между тем, не желаете в свою нечередную неделю явиться на 2 часа в сутки на общественное богослужение в церковь, что составляет почти единственную исключительную Вашу деятельность как члена миссии»²⁷. Завершается письмо неприкрытой угрозой: «...если Вы и после сего будете продолжать избранный Вами образ жизни, то буду вынужден немедленно просить о Вашем переводе Св. Синод – лучше остаться одному, чем иметь помощников, которые парализуют деятельность»²⁸. Виноградов, очевидно, решил упредить негативный для него рапорт и организовать себе перевод в такое место, где он сможет сохранить желанный досуг для занятия науками.

1 мая 1897 г. Виноградов заручается врачебным свидетельством за подписью В.В. Корсакова о желательной по его состоянию здоровья перемене климата²⁹ и пишет Кассини о том, что для получения полной пенсии «остается дослужить не более *двух лет*, но *непрерывно внутри Китая* (курсив мой. – Д. Б.). По слабости своего здоровья в Пекине и в виду усложняющихся трудных обязанностей миссионера при Духовной миссии, я поставлен в необходимость просить Святейший Синод о своем переводе, или лучше – откомандировании из Пекина в г. Ургу, при императорском ургинском русском консульстве и школе»³⁰. Нотки жалобы явственно звучат в этом письме: «с назначением к нам нового духовного начальника о. архимандрита Иннокентия для Миссии началась новая жизнь, требующая других людей, <...> я хотя и остался один на прежнем положении, но должен сам заблаговременно позаботиться о своем удалении»³¹. Обратиться к Кассини напрямую было нельзя, так как он уехал в Россию еще в сентябре 1896 г.³², поэтому в тот же день, 1 мая 1897 г., Виноградов обращается к первому секретарю миссии Александру Ивановичу Павлову, заменявшему посланника на время его отсутствия. Изложив те же соображения (нездоровье, не позволяющее выносить вводимого в ПДМ монастырского строя, нужда в перемене климата и необходимость дослужить в Китае не менее двух лет для получения пенсии; болезненность самого архим.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 51. Ед. хр. 7. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 1 об.

²⁹ См. оригинал: РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547 Л. 54. Копия: НИОР РГБ. Ф. 52. К. 4 Ед. хр. 9.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 45. Ед. хр. 7. Л. 1–1об.

³¹ Там же Л. 2–2об.

³² Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата: 1893–1922. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 69.

Иннокентия и невозможность с ним примириться), Виноградов просит Павлова официально препроводить его письменное обращение к Кассини и поддержать ходатайство о переводе в Ургу³³. Вероятно, Виноградов рассматривал этот вариант своей судьбы как оптимальный, но более поздняя приписка в этом документе указывает, что после предварительных словесных объяснений с Павловым обращение Виноградова было оставлено без последствий³⁴. 9 мая 1897 г. в Пекин прибыла чрезвычайная дипломатическая миссия под руководством кн. Ухтомского. Ее состав, помпезный въезд в Пекин и пышный прием создавали у наблюдателей впечатление особого статуса, которым обладал князь, его особых полномочий и специальных задач, поставленных перед ним петербургским правительством – относительно которых, впрочем, и китайская сторона, и иностранные дипломаты, и даже сама русская миссия терялись в догадках. Для современников Ухтомский был в буквальном смысле особой приближенной к императору, поскольку он сопровождал будущего государя Николая II в его путешествии на Восток и прославился роскошно изданным описанием этого турне.

Русское министерство иностранных дел отнеслось к этому визиту настороженно и отстраненно. Его единственным успешным итогом стало открытие пекинского отделения Русско-китайского банка в здании бывшего корейского посольства, состоявшееся 15 мая; здесь произошла встреча Ухтомского с Виноградовым, который служил молебен и освящал здание банка³⁵. Для Виноградова, впрочем, этот близкий контакт подкреплялся и воспоминаниями о том, что в 1872 г. отец Э.Э. Ухтомского, князь Эспер Алексеевич Ухтомский (1834–1885), заказывал у Виноградова свой портрет³⁶. В условиях, когда любые сношения с Петербургом контролировались первым секретарем миссии Павловым, явно не желавшим помогать Виноградову, присутствие Ухтомского оказывалось способом преодолеть почтовую блокаду и обратиться непосредственно к начальству, а хорошо известные близкие отношения между князем и императором должны были повысить в глазах Виноградова шансы на успех предприятия. В этих условиях он идет в лобовую атаку. Здесь появляется новый мотив – не просьба о переводе в более комфортное место и жалобы на начальника ПДМ, а прямая инвектива против него. «Из многих действий настоящего о. Архимандрита, – пишет он Павлову, – весьма поспешных и не всегда

³³ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 47. Ед. хр. 9. Л. 7–8об.

³⁴ Там же. Л. 8 об.

³⁵ *Корсаков В.В.* В старом Пекине: Очерки из жизни в Китае. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и издат. дела «Труд», 1904. С. 210–211.

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 55. Ед. хр. 20.

согласных и даже диаметрально противоположных существующей инструкции нашей Духовной миссии и штату, Высочайше утвержденному, зародилось подозрение в болезненности нашего начальника, вскоре оправдавшееся и неизвестно в какой степени имеющей проявляться далее»³⁷. Виноградов, ссылаясь на свои полномочия и обязанности старшего члена ПДМ, извещает о том, что составил докладную записку на имя Победоносцева, и отправил ее через Ухтомского для личной передачи адресату, однако не делает из ее содержания тайны и даже настаивает, чтобы эта записка хранилась в архиве русской дипломатической миссии³⁸.

Полная беловая копия этой записки в бумагах Виноградова отсутствует, и подготовительные материалы к ней довольно сильно расходятся. То, что можно назвать краткой версией, сохранилось в трех близких по содержанию черновых набросках, один из которых не имеет даты³⁹, а другой датирован июнем 1897 г. без числа⁴⁰. Текст их почти идентичен и выдержан в смиренном и миролюбивом духе; он открывается панегириком деятельности ПДМ и ее уехавших в Россию членов, продолжается жалобой на архим. Иннокентия, сочувствиями его болезненно расстроенному здоровью и неопытности, содержит просьбу «принять известного рода меры к благоустроению миссии духовной, согласно инструкции Святейшего Синода ей данной. <...> Желательно вообще, чтобы новый о. архимандрит не позволял бы себе нововведений к ущербу сочленов...»⁴¹, и оканчивается просьбой Виноградова о возможности дослужить в Китае до назначения пенсии два года и получить по возвращении в Россию преподавательскую должность по китайскому языку⁴². Фрагмент другого правленного черновика датирован 1 июня 1897 г. и формулирует резюмирующую часть иначе. Виноградов говорит о том, что вынужден прибегнуть к помощи кн. Ухтомского: «лично он передаст Вам *и свои заключения и наблюдения* (курсив мой. — Д. Б.), коими выясняется самое дело — весьма серьезное, по крайней мере, с моей точки зрения как юриста и ученого <...> Из опасения потерять свое настоящее место распоряжениями о. Иннокентия, прошу по крайней мере об одном — доставлением возможности дослужить до срока пенсии, т. е., года два не более в Пекине; а затем я бы желал закончить ученые труды их печатанием и даже был бы не прочь быть преподавателем китайского языка при университете

³⁷ Там же. К. 47. Ед. хр. 9. Л. 9–9 об.

³⁸ Там же. Л. 9 об. — 10.

³⁹ Там же. К. 43. Ед. хр. 16. Л. 3–4 об.

⁴⁰ Там же. Л. 5–6 об.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² Там же. Л. 6 об.

в России»⁴³. Выделенные слова, как думается, недвусмысленно указывают на то, что кн. Ухтомский был не только посредником в передаче прошения, но и как минимум равным участником борьбы против архим. Иннокентия – возможно, что нападающий тон Виноградова был инспирирован именно князем, который видел возможность реализовать свои взгляды на миссионерскую деятельность ПДМ. Иной, пространный, вариант приложен к одному из заявлений Виноградова в российскую дипломатическую миссию в Пекине. Этот документ озаглавлен «Содержание записки г. обер-прокурору св. Синода, переданной князю Э.Э. Ухтомскому для личной передачи г. прокурору»⁴⁴. Этот синопсис открывает «определение личного положения в Пекинск<ой> Д<уховной> миссии с отъездом прежних членов и назначением на их занятия ученых и по церкви в особенности нововведениях по уставу», следующее – «заклучения, доводы и причины опасений за преждевременность автокефалии (sic! – Д. Б.) православной церкви в Китае», далее идет изложение взглядов императрицы Марии Федоровны на образование китайцев в духе православия, описание мер нового начальника ПДМ по устройению миссии к этническим китайцам. Далее идет уже прямая инвектива против архим. Иннокентия: новый начальник миссии нарушает инструкции Синода членам ПДМ, разрушает добрые отношения с дипломатическим корпусом в Пекине и «своими сочленами по ошибочной цели общежития, не предусмотренного инструкцией и денежными средствами»⁴⁵. Виноградов предлагает раздел ПДМ с выделением особой церкви для русских на Южном (т. е. дипломатическом) подворье в Пекине и выносом предполагаемого общежитийного монастыря за черту города и т. д.⁴⁶ Виноградов, надо полагать, ожидает, что в случае разделения ПДМ он как старший после начальника член Миссии окажется настоятелем церкви Южного подворья.

Нам неизвестно, состоялась ли встреча Ухтомского с Победоносцевым, равно и докладную записку Виноградова в делопроизводстве Синода и канцелярии обер-прокурора мне пока найти не удалось. Но не желая терять времени Виноградов обращается в дипломатическую миссию. В его фонде сохранились черновики поданной им докладной записки или записок, в которых обвинение против архим. Иннокентия обростает новыми деталями. Так, Виноградов указывает, что до прибытия архим. Иннокентия китайская и русская часть паствы ПДМ пребывала в мире, молилась

⁴³ Там же. Л. 9–9 об.

⁴⁴ Там же. К. 4. Ед. хр. 11. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Л. 7 об.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

на церковнославянском языке за государя императора, царствующий дом и российскийские власти, но архим. Иннокентий не желает делать этого и приказывает поминать китайского императора, а за отказ Виноградова ему в этом повиноваться угрожает удалением из числа членов миссии, Виноградов просит дипломатическое представительство защитить его от действий начальника ПДМ⁴⁷. В следующей версии Виноградов уже обвиняет архим. Иннокентия в непоминании императорской фамилии на ектеньях и в другие моменты богослужения и в нежелании молиться за русскую государственную власть⁴⁸. О новом начальнике Виноградов отзывается так: он «с первого шага своего появления поспешил обзавестись почетным местом настоятеля и всегда объясняться со всеми только как начальство с абсолютной властью, не допуская никаких объяснений и возражений, тем более каких-либо протестов, хотя бы они были справедливы. За попытку делать таковые о. архимандрит неоднократно объявлял мне или удалиться из миссии, или он сам устроит это без всякого желания с моей стороны»⁴⁹. Виноградов пишет, что эти шаги начальника, «несмотря на мое миролюбие, побудили меня не без долгой внутренней борьбы принять известные меры», т. е. заручиться свидетельством о расстроенном здоровье и «послать прошение в Томский университет о ходатайстве перед Министерством народного просвещения открытия кафедры по китайскому языку и зачислении меня кандидатом на оную»⁵⁰. Виноградов гласно обвиняет архим. Иннокентия в «явном пренебрежении к русскому Отечеству и власти, государю императору и царствующему дому и официальным восприятием мне молиться за них по русскому церковному обычаю и книгам, за неисполнение чего меня почитает и объявляет зловредным и нежелательным»⁵¹.

В этом же прошении Виноградов просит о разрешении вернуться в Россию с правами священнослужителя и назначением пенсии по болезни, *либо же о снятии сана и возвращении к мирскому положению*. Это следует считать первым появлением темы расстрижения в обращениях Виноградова к церковной и светской администрации. На эту мысль его мог навести свежий пример одного из бывших членов ПДМ, иеромонаха Пимена (Сипягина), который, принявши постриг в 1892 г. и разочаровавшись в монашеском образе жизни, уже в 1894 г. смог благодаря помощи и протекции В.Н. Ламздорфа, с которым состоял в близкой дружбе, добиться

⁴⁷ Там же. Л. 1–2 об.

⁴⁸ Там же. Л. 3–4 об.

⁴⁹ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁵⁰ Там же. Л. 5.

⁵¹ Там же.

от Синода снятия сана и обетов, жениться и устроиться на дипломатическую службу⁵².

Окончательный вариант виноградовской инвективы против архим. Иннокентия включает, таким образом, два компонента: первый – это нарушение инструкции – устройство жизни в ПДМ по образцу общежительного монастыря, отказ от прежних минимальных функций ПДМ (исполнение капелланских обязанностей при дипломатической миссии, окормление албазинцев, требоисполнения среди проживающих в Китае русских) и переход к более широкой миссии среди китайцев и т. д. Однако архим. Иннокентий поступал так с явного одобрения обер-прокурора, если только не по его прямому указанию, и смена акцентов было составной частью новой политики в Китае. Видимо, Виноградов и сам создавал, что этого обвинения недостаточно для того, чтобы сместить архим. Иннокентия с должности, поэтому в своих прошениях он вводит второй, бесприкрытый компонент – антипатриотическую деятельность. Однако облыжность такого обвинения самоочевидна. Ни прежде, ни в будущем Иван Аполлонович, а впоследствии Иннокентий, Фигуровский не отступал от консерватизма во взглядах на вопросы церковной практики и не изменял лояльным верноподданным чувствам монархиста.

5 июня 1897 г. Виноградов в очередной раз обращается к первому секретарю Павлову, настаивая на том, чтобы его докладные записки с обвинениями против архим. Иннокентия были приобщены к архиву русского дипломатического представительства⁵³, на этом прошении стоит приписка: «означенная копия принята г. Павловым с замечанием, однакож, что записке моей не будет дано места в архиве миссии»⁵⁴. Видимо, под влиянием этой – очередной – неудачи Виноградов в тот же день, 5 июня, пишет два письма Керскому. Одно письмо попало в руки адресата⁵⁵, другое осталось в архиве Виноградова⁵⁶. Неотосланный вариант по содержанию воспроизводит основные положения докладной записки Победоносцеву, но написан хлестче: «уведомляю Вас, что новый о. архимандрит болен, а стремление его к созданию чисто китайской миссии, с изгнанием русских из его ближайших сотрудников и небрежением к церкви корпуса дипломатического едва ли обойдется безнаказанно»⁵⁷. Вероятно, это было не столько блефом,

⁵² Часовников А. Указ. соч. С. 180–181.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 44. Ед. хр. 9. Л. 11–12.

⁵⁴ Там же. Л. 12.

⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547. Л. 16–17.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 45. Ед. хр. 9.

⁵⁷ Там же. Л. 2 об.

сколько глубокой уверенностью в том, что посредничество кн. Ухтомского обеспечит ему победу над соперником. Тем не менее в отправленной версии Виноградов смягчил все формулировки. Вероятно, он помнил, что в 1875 г., когда Виноградов состоял учителем Ярославской семинарии и находился в конфликте с ее административной, именно Керский в качестве ревизора от синодского Учебного комитета дал положительный отзыв о его преподавании рисования и иконографии⁵⁸, и питал надежды, что заступничество Керского второй раз спасет его через 22 года.

Развязка наступила быстро. 7 июня архим. Иннокентий написал в Синод уже процитированное выше донесение⁵⁹. Оно не поставило точку в этом конфликте, ибо распри Виноградова с начальником Миссии и жалобы на него будут продолжаться вплоть до виноградовского отъезда из Пекина более чем год спустя (уведомление об увольнении от должности и переводе в Оптину пустынь будет объявлено Виноградову только 12 августа 1898 г.⁶⁰). Донесение архим. Иннокентия сформировало матрицу, в рамках которой бессмысленный и беспощадный бунт иеромонаха против архимандрита разрешался бы самым удобным для всех – кроме бунтовщика, разумеется – способом. Объявление Виноградова «психически расстроенным» не только позволяло забыть обо всех выдвинутых им инвективах, не рассматривая их по существу, но и дезавуировало любые будущие обвинения и заявления. Не зная всех деталей произошедшего, нам сейчас трудно понять, были ли требования архим. Иннокентия столь невыполнимы, а его придирки – столь же невыносимы. Но ретроспективно нам понятно, что, выбрав путь конфронтации, Виноградов загнал себя в цугцванг, из которого не было выхода: прямое неповиновение своему начальнику, правдоискательство, вынос сора из избы, жалобы во внешние инстанции – все это было тягчайшим грехом в служилом мире Российской империи. Ложные же надежды, поданные посредничеством кн. Ухтомского, лишь ослепили Виноградова и усугубили его положение.

* * *

Подведем итог. Наша первоначальная догадка о том, что условия второго возвращения Виноградова в Россию были карательными, оправдалась: его перевод в Оптину пустынь был, по сути, наказанием и мягкой формой пожизненного домашнего ареста. Его составной частью была невозможность напечатать написанные в Китае труды, получать новые и необходимые ученые книги,

⁵⁸ Там же. К. 2. Ед. хр. 44.

⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3547. Л. 15.

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 52. К. 4. Ед. хр. 38.

иметь доступ к библиотекам. В первые годы после отставки ему не платили даже пенсию. Но связано это было не с тем, что содержание трудов Виноградова вызывало подозрение или неприятие у начальства – к научным его взглядам претензий не было, – а с тем, что в своих прошениях и записках Виноградов слишком очевидно обозначил это как свои наиболее желанные цели, а следовательно, лишение возможности их достичь оказывалось самым тяжелой карой. Виноградов попал в ловушку собственных иллюзий, наивно считая себя одним из возможных кандидатов на должность начальника ПДМ и переоценивая свой аппаратный вес в борьбе за нее. Копнув на уровень глубже, мы видим, что этот конфликт не был *только* личным или карьерным. Виноградов пошел ва-банк потому, что на кону стояло издание его сочинений.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Православные священнослужители конца XIX – начала XX в. как исследователи религиозной культуры: от “мейнстрима” к “маргинальности”» Российского научного фонда фундаментальных исследований, грант № 24-28-01158.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Orthodox clergy of the late 19th – early 20th centuries as researchers of religious culture: From ‘mainstream’ to ‘marginality’”, no. 24-28-01158.

Литература

Браткин 2017 – Браткин Д.А. Иеромонах Алексей Виноградов как библиист и историк переводов Библии // Религиоведение. 2017. № 3. С. 155–163.

References

Bratkin, D.A. (2017), “Hieromonk Alexy Vinogradov as a biblical scholar and historian of the translations of the Bible”, *Religiovedenie*, no. 3, pp. 155–163.

Информация об авторе

Дмитрий А. Браткин, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; bratkin@yandex.ru

Information about the author

Dmitrii A. Bratkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; 5, Mendelevskaya liniya, Saint-Petersburg, Russia, 199034; bratkin@yandex.ru